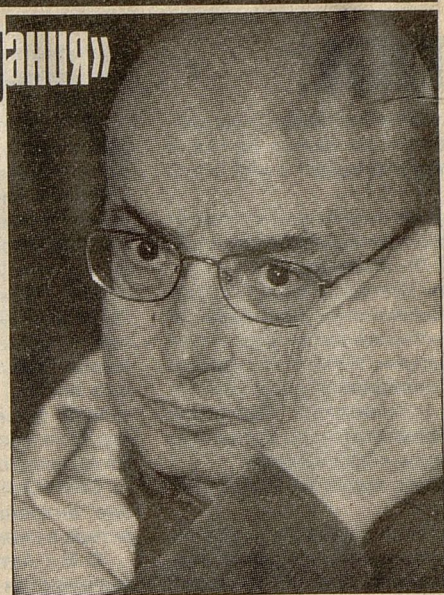

ПЕРСОНА

Тео Ангелопулос: «Мы все в зале ожидания»

Тео Ангелопулос — всемирно известный греческий режиссер, имеющий множество международных призов, в их числе «Золотой Лев» Венецианского фестиваля за фильм «Александр Великий» в 1980г., Гран-при Каннского фестиваля за «Взгляд Улисса» в 1995г. и, наконец, Каннская «Золотая пальмовая ветвь» в 1998г. за «Вечность и день».

За свою 30-летнюю карьеру в кино режиссер работал с величайшими актерами современности — от Марчелло Мастоияни до Бруно Ганца, от Жанны Морс до Харви Кейтеля.

Тео Ангелопулос возглавлял жюри недавно закончившегося XXII Московского международного кинофестиваля. Он является президентом международного кинофестиваля в Салониках, главном городе греческой Македонии, которую он обожает и где любит снимать свои фильмы. Автор интервью встретилась с ним недавно в этой столице Балкан, стратегическом регионе, где вершится история Европы.

Ангелопулос рассказывает о своем ощущении свободы, о своей встрече с Тонино Гуэрра, который является его другом и сценаристом уже 15 лет, о войне на Балканах, о своих интеллектуальных поисках, о Никите Михалкове и политике.

— Золотая пальмовая ветвь изменила Вашу жизнь?

— Не очень. Конечно, я чувствую себя более свободным. Сначала я принял решение не участвовать больше ни в каких конкурсах — ни в Каннах, ни в Венеции, ни где бы то ни было. Я решил сделать это после «Взгляда Улисса», если бы мне присудили тогда «Золотую пальмовую ветвь». Это был отличный стратегический момент для меня, и я принял бы этот приз с удовольствием. Это правда, что Пальма за «Вечность и день» пришла для меня слишком поздно. В тот момент я чувствовал себя абсолютно опустошенным. Я взял ее как чашечку кофе, как что-то совершенно обычное. Однако, когда я вернулся в Афины, люди узнавали меня на улицах, сигналили вслед, как будто я футбольная команда, которая выиграла. Теперь все позади. Дела идут отлично, и я больше не чувствую «призового» давления. Мне нужно время, чтобы осмотреться. В данный момент я готовлю свой следующий фильм с Тонино Гуэрра. Это будет фильм о любви. Я хочу снять черно-белый фильм, чтобы им поставить точку в моем творчестве.

— Как Вы познакомились с Тонино Гуэрра?

— С Тонино все всегда странно. Это случилось, когда я встретил Тарковского в Риме. Мы жили в одной квартире, так как его ассистент когда-то был и моим ассистентом. Он учился в России и прекрасно говорил по-русски, вот почему Андрей выбрал его в качестве ассистента во время съемок в Италии «Ностальгии». Как-то мы обедали вместе с Тарковским. В то время один из моих помощников, писатель, уехал по приглашению читать лекции в США. Мне нужен был человек, с которым я мог бы работать. Я всегда рассказываю свои истории кому-то, кто меня слушает и отвечает на мои вопросы. Я спросил Андрея, как ему работает с Тонино. Он ответил: «Отлично». Я попросил организовать нам встречу, чтобы посмотреть на него и понять, смогу ли я с ним работать. Как только я увидел Тонино, я сказал, что знаю его работу с Антониони, а он мне отвечает: «А я знаю «Путешествие комедиантов»... ну, рассказывайте.» В этот момент мы уже начали работать вместе, сами того не ведая. Мы проговорили пять часов. И с тех пор это происходит регулярно. Мы гуляем вместе, разговариваем обо всем на свете, он мне рассказывает о сказках, которые написал, мы едим, пьем кофе. Тут нужно отметить, что я пью кофе очень медленно, а он — быстро. Он мне говорит: «Как ты можешь пить кофе так медленно?» А я ему отвечаю: «Но я же восточный человек!» Вот так мы стали друзьями. Иногда он — мой отец, иногда — брат, сын. Роли меняются. Я приезжаю к нему домой, и все меня узнают, жители деревни со мной здороваются, они знают, какой кофе я предпочитаю, владелец ресторана помнит, какие «фенги порчини» (грибы с кусочками свинины) я люблю. Вот такую жизнь мы и ведем, наши встречи не носят никаких обязательств. Никогда.

— Теперь у Вас есть больше времени осмотреться, поразмышлять...

— К сожалению, нужно отметить, что современный мир невесел. Наш век заканчивается грустно со всех точек зрения. Это то, что я называл «меланхолией конца века» во время работы над фильмом «Прерванный шагиста». Этот фильм, поднимающий проблему эмигрантов, был вещью. Подобная «меланхолия» не нова, но раньше была хотя бы надежда на что-то: идея социализма была идеей будущего. Было что-то во Французской революции, какая-то историческая перспектива. Теперь ничего нет. Марксизм был отличной перспективой и до сих пор остается ценным критическим средством экономического анализа. Проблема в том, что марксизм не победил, и в этом наша реальность. Можно поменять систему — и что? Эти грубые изменения — лишь следствие бурно развивающегося капитализма. Они порождают очень богатых людей. Например, я видел на Крите молодых русских с карманами, полными долларов, а когда я приехал в Россию, то встретил преподавателей университета, которым месяцами не платят зарплату. Невеселая ситуация! Что касается войны, большая ошибка — думать, что Балканы — обычный регион мира, в то время как его история восходит к XII веку. Нельзя разрезать страну как сыр в соответствии с решениями НАТО. Конфликты всегда есть, и война — худшее из решений. Это известно еще с начала XX века, когда случились две балканские войны. Нужно пытаться обсуждать проблемы за столом переговоров. С жителями Балкан

нужно вести постоянный диалог и иметь много терпения. Историю нельзя стереть. Самое главное сейчас то, что границы очерчены. Нужно их охранять, потому что как только кто-нибудь захочет их изменить — это война.

Тито очень хорошо это понимал. Вы знаете историю, которую рассказывают про американца, приехавшего в Югославию во времена Тито? Когда он проходил мимо туалета в самом центре города (разумеется, в сопровождении человека из органов), то увидел мужчину, осенившего это место православным крестом. Затем прошел католик и также перекрестился. И, наконец, — третий, явно мусульманин. Американец был донельзя удивлен, и югослав ему объяснил: «В XII веке здесь была православная церковь, затем пришли турки и поставили мечеть, после, во времена Австро-Венгерской империи, она стала католической церковью. Чтобы покончить с этим, Тито приказал поставить на этом месте туалет, но люди по привычке считают это место святым!» Вот в чем история Балкан. История, которую невозможно понять в Западной Европе. Я был в Париже, когда начались бомбежки Косово, и мне не удавалось убедить людей в абсурдности этой войны. Зачем всегда соглашаться с тем, что старший американский брат из книги Оруэлла решит все европейские проблемы? Я был в Берлине, когда Клинтон приезжал в Германию. Шредер вел себя как его слуга. Если уж у большой страны такое отношение к Америке, то что может сделать маленькая Греция или Болгария? А когда вы хотите высказаться, вам мешает цензура.

— На Вас сегодня лежит большая ответственность — как на ведущем режиссере греческого кинематографа, как на президенте фестиваля в Салониках. В свете того, что Вы говорили о ситуации на Балканах, какова, на Ваш взгляд, культурная роль Греции в мире, какова роль города Салоники?

— Несмотря на то, что фестивалю в Салониках уже 40 лет, он молод, благодаря своему директору Мишелю Демопулосу. Когда министр культуры попросил меня быть президентом комиссии по изменениям Закона о кино, я согласился. Думаю, что мы сделали неплохую работу и помогли нашему кинематографу. Значительно увеличилась зрительская аудитория за последние три года, особенно молодая. К сожалению, Греция — единственная балканская страна, где понимают всю важность Закона о кино. Мне бы хотелось, чтобы бюджет государства на культурные цели был больше, и мне бы хотелось многое сделать для Салоников, например, создать там Центр Балканского кино, где могли бы встречаться представители разных балканских стран. Русские кинематографисты тоже должны принять в этом участие — ведь интересы России на Балканах и Эгейском море всегда, начиная с Петра Великого, были значительными. Согласно статистике, Салоники к 2010 году превратятся в самый многонаселенный город не только Греции, но и всего Балканского полуострова. Это университетский город, молодой и космополитичный.

— Вы собираетесь заняться политикой?

— Мне казалось недавно, что Никита Михалков хотел бы серьезно заняться политикой. Выступая как-то по CNN, он вел себя как настоящий политический деятель. Лично мне кажется, что власть неизбежно связана с коррупцией. Я помню Никиту в Японии, где мы были вместе — мы так веселились... Я рядом с ним такой маленький, и когда мы шли по улице Токио, он чуть приседал, как клоун, чтобы не возвышаться надо мной. Он — великий актер... Мне кажется, что кинематографистам лучше оставаться на своем месте, чтобы их фильмы были восхитительными подарками людям. Меня звали в парламент, но я отказался. Когда я снимал «Взгляд Улисса», я пересекал границу Греции с Республикой Македония (прежнюю югославскую), чтобы отправиться в Сербию, и таможенники приветливо махали мне рукой. В тот момент я подумал, что ни одного греческого политика они не встречали бы столь дружелюбно. Быть художником значит быть свободным. Я могу сказать все, что хочу, президенту Греции — я свободен! Мы все находимся в своеобразном зале ожидания. Ждем, что кто-то откроет дверь. Надеюсь, что этот переходный период скоро кончится, потому что, несмотря ни на что, несмотря на мои грустные фильмы, я оптимист по натуре. Я всегда верю, что найдется тот, кто откроет дверь.

Беседовала Мишель ЛЕВЬЕ

См. интервью 18.08.00